

Oddities and madmen as the element of poetics of a picaresque novel in the lyrics by V.S. Vysotsky

There is considered V.S. Vysotsky's perception and creative treatment of the genre traditions of a Spanish picaresque novel on the basis of the example of "role" songs about oddities and madmen. There are revealed three types of such characters: adopted from classical picaresque oddity scientist and talentless literary man, as well as the new type – "victim of television", appropriate for the poet's time realities.

Key words: *Vysotsky, intertext, picaresque, picaresque novel, picaresque songs by Vysotsky.*

О.О. ПУТИЛО
(Волгоград)

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ФУНКЦИИ
ОБРАЗА РЕКИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
ФЭНТЕЗИ**

Рассматриваются художественные функции пространства реки в литературе жанра фэнтези. Анализируются образы классических романов Д.Р.Р. Толкиена, М. Семеновой и Н. Перумова.

Ключевые слова: *топос, образ реки, Толкиен, Перумов, Семенова, фэнтези, пространство.*

В исследованиях жанра фэнтези все чаще рассматривается вопрос о том, как «фантастическая литература создает для читателя особый мир, параллельную реальность, иную Вселенную, особую систему образов, взаимосвязей между ними, а также сопутствующих этим образам знаний и представлений» [13, с. 145]. В частности, активное участие в сотворении вымышленного мира принимают разные фантастические локусы, анализ которых позволяет глубже понять специфику жанра и поэтику фэнтези.

Авторы работ, посвященных рассмотрению хронотопа фантастических произведений, чаще всего обращаются к топосам леса, горы и вертикали. Уделяется внимание и образам водного пространства, преимущественно океана, и сопоставляемого с ним космоса: «Мотив водной стихии в ее разнообразных превращениях – это древний мифологический мотив веч-

ного изменения и движения» [4, с. 71]. Реже предметом рассмотрения является образ реки, который занимает в литературе фэнтези одно из основополагающих мест.

Образ реки принадлежит к числу наиболее значимых в мифологии, фольклоре и литературе. В европейской литературной и фольклорной традиции ему присущ ряд устойчивых художественных функций: река может быть связана с мотивами передвижения, преграды, границы, может быть местом обитания демонических сил и др. В данной статье мы рассмотрим, как перечисленные традиционные функции, воплощенные в классических произведениях европейской прозы фэнтези, используются и трансформируются в текстах этого жанра современной русской литературы.

В исследовании А.Д. Гусаровой отмечается, что «поэтика фантастического мира фэнтези предусматривает <...> отражение в повествовании как категории пути, так и категории границы» [2, с. 120], поэтому в большинстве произведений жанра фэнтези, как и в волшебных сказках, «река осмысливается как граница, разделяющая природное пространство на "свое" и "чужое". Местность за рекой изображается <...> как мифическая страна или потусторонний мир» [1, с. 417]. В этом пространство реки подчиняется тем же закономерностям, что и остальные фантастические топосы.

Наличие антитезы «своего» и «чужого» миров требует реализации этого противопоставления в рамках единой вымышленной вселенной. Герой «преодолевают границу мира исхода и попадает в мир, определяемый им как чужой. Однако маркировка границы здесь уже происходит в другой образной системе, а именно фольклорной» [2, с. 107]. Это требует от авторов использования образов, играющих роль границы, разделяющих «свое» и «чужое» пространства, каким и является река как естественная преграда на пути героя.

Так, в романе Д.Р.Р. Толкиена «Властелин колец» река Барандуин (Брендивин) отделяет центральную Хоббитанию от усадьбы Брендизайков. Именно переправа через реку Фродо Бэггинса, попадающего из привычной, обжитой области в Хоромины на границе Вечного Леса, является знаком перехода героя из «своего» пространства в «свое как чужое», поскольку местные хоббиты «в доброй старой Хоббитании <...> слыли чужаками, если не чужаками» [12, т. 2, с. 108]. Следующая река, встретившаяся на пути Фродо, на-

зывается Буйная, ее русло совпадает с границей владений Элронда. Переправившись через реку, хоббит покидает опасное, «чужое» пространство, оставляя на противоположном берегу своих преследователей, девятерых всадников-назгулов, прислужников Саурона, для которых река становится непреодолимым препятствием.

В повести Д.Р.Р. Толкиена «Хоббит» Бильбо Бэггинс и его спутники в путешествии к Одинокой Горе, утраченной родине гномов, охраняемой новым хозяином – драконом Смогом, проходят сквозь лес, плывут по реке, полностью следуя сказочной установке: «Царство, в которое попадает герой, отделено от отцовского дома непроходимым лесом, морем, огненной рекой с мостом, где притаился змей, или пропастью, куда герой проваливается или спускается. Это – “тридцатое” или “иное” или “небывалое” государство. В нем царит гордая и властная царевна, в нем обитает змей» [6, с. 360]. Перед тем как войти в Лихолесье, они получают предупреждение от Беорна: «...тропу пересекает Черный Ручей с сильным течением. Не вздумайте в нем купаться или пить из него: я слышал, что он заколдован и напускает сонливость, забывчивость» [11, т. 1, с. 133]. Однако герои нарушают сказочный запрет: самый тяжелый гном – Бомбур – упал в воду и не смог избежать ее губительного влияния, он впал в волшебный сон, чем сильно осложнил дальнейшее путешествие своих собратьев.

В современной русской прозе функция границы также напрямую связана с ее пересечением, которому авторы уделяют особое внимание: «Переправа через реку вроде Сивура – дело не вполне безопасное. Это не какая-нибудь лесная речушка, которую лошадь переходит вброд, не замочив брюха» [9, с. 351]. Преодоление речного пространства символизирует начало нового этапа квеста, неперемного атрибута жанра: «Мотив вступления в реку означает начало важного дела, подвиг; переправа через реку – завершение подвига, обретение нового статуса, новой жизни...» [7, с. 376]. В романе М. Семенов «Волкодав» переправа через Сивур знаменует начало опасного пути по чужой территории. «Сивур испокон веку считался пограничной рекой. Здесь кончались владения галирадского кнеса. Дальше до самых велиморских Врат тянулись сумержные земли, населенные племенами, никому не платившими дани. Были кое-где в лесах и деревни, но рассчитывать на такой прием, какой оказали кнесинке луговые вельхи, больше не приходилось. Хуже того: всем было от-

лично известно, что здешний народ промышлял как умел и отнюдь не чурался разбоя» [9, с. 351]. Именно за рекой, уже в пределах «чужого» пространства, героиню подстерегает первая опасность в лице наемного убийцы.

В произведениях фэнтези часто встречается традиционный «мотив мифической реки, которая разделяет земной и потусторонний миры» [1, с. 417]. Река является не только демаркационной линией, отделяющей друг от друга различные объекты, но и своеобразным рубежом между «космосом и хаосом и даже жизнью и смертью» [3, с. 217]. Переправа часто маркирует противостояние сил Света и Тьмы, от исхода борьбы которых зависит будущее всего вымышленного мира. Напомним, что берега реальных рек неоднократно становились ареной и важнейших исторических сражений. Не случайно поэтому центральным географическим образом Средиземья у Толкиена становится великая река – Андуин, на западном берегу которой расположились государства, сдерживающие натиск сил Зла: Лориен, Гондор, Ристания, а на противоположном – Гиблые болота, пустоши Эриадора, Итильские земли, захваченные Сауроном. Опасность со стороны восточного берега угрожает всем, кто осмелится подобраться слишком близко к реке. Именно с момента форсирования Андуина войсками Саурона традиционный фэнтезийный конфликт Добра и Зла из локального (противостояние Хранителей кольценовцам, Балрогу, оркам) начинает перерастать в глобальный (охватывающий все Средиземье). Захват нейтральной территории, города Осгилиата, бывшей столицы Гондора, расположенного посередине реки, становится началом последнего этапа войны за Кольцо.

В классическом фэнтези образ реки может играть роль границы между царствами добра и зла. Исследователи подмечали внимательное отношение Д.Р.Р. Толкиена к устройству выдуманного им мира: «Так, толкиеновское Средиземье напоминает о скандинавском Мидгарде, срединной земле между верхним и нижним мирами» [8, с. 99]. Толкиен наделяет главную водную артерию сразу несколькими функциями – границы, преграды и дороги, – тем самым подчеркивая значимость этого локуса.

Однако пространственные образы Средиземья встречаются и в произведениях его последователей, где их функции трансформируются. Отечественный фантаст Н. Перумов создал вольное продолжение романа Толкиена «Властелин колец», но при этом разрушил пространственно-мифологическую структуру

Средиземья, лишив Андуйн роли центрального топоса. С одной стороны, река уже не является осью, разделяющей Восток (зло) и Запад (добро), т.к. в произведениях Перумова под влиянием постмодернистской традиции возникает этический релятивизм. Структура пространства в «толкиеновских» романах Перумова отличается от первоисточника: мир расширяется на восток, смещается его центр, утрачивается симметрия. Река Андуйн лишается целого ряда функций, оставаясь лишь знаковой преградой на пути армии нового воплощения Тьмы. Переправа войск Олмера знаменует начало всеохватывающего противостояния двух мировоззрений. Для Перумова важно дать описание сражения на берегах великой реки, отсылающего читателя к аналогичному событию прецедентного романа Д.Р.Р. Толкиена. У отечественного фантаста силы Зла смогли-таки осуществить план по захвату западных земель.

В своих романах Перумов часто обращается к теме форсирования реки – сложной военной операции, имевшей ряд известных аналогов в реальном мире. Например, в романе «Алмазный меч, Деревянный меч» из цикла «Летописи Разлома» река Суолле в Мельине выполняет ту же функцию, что и Андуйн, отделяя Империю от враждебной Семандры.

Гораздо реже в произведениях фэнтези река выступает в традиционной роли дороги, соединяющей локусы «своего» и «чужого» миров: «Река, движущаяся, меняющаяся и в то же время неподвижная, как бы остающаяся на месте, – удивительно точный, емкий образ именно пути-дороги, совмещающий в себе значения и “дороги” (некоторого типа художественного пространства), и “пути” (т. е. движения персонажа в этом пространстве). Река – самодвижущаяся дорога» [4, с. 142].

В повести Д.Р.Р. Толкиена «Хоббит» Бильбо и гномы вынужденно сплавляются в бочках по реке до Долгого озера, путешествие к которому было утомительным и тяжелым, но в то же время, как узнал Бильбо, «только река предоставляла пока что единственный надежный путь от северного края Черного Леса до равнины под сенью Горы» [11, т. 1, с. 170]. В другом романе английского писателя «Властелин колец» хранители спускаются вниз по Андуйну, выбирая, казалось бы, самый легкий и безопасный маршрут. Однако он оказался полным приключений, в чем реализуются фольклорные корни «волшебной-сказочной большой дороги, обеспечивающей персонажам в моменты пре-

кращения пути, на остановках и привалах, различные опасные встречи» [4, с. 142].

Путешествие героев по рекам часто встречается и в славянском фэнтези: на территории, покрытой непроходимыми лесами, единственной надежной дорогой могла быть лишь река, поэтому в романе М. Семенов «Волкодав. Самоцветные горы» герои отправляются в путь именно по ней: «В лесном краю река – первейшая дорога. Даже загадка есть: “По какой дороге полгода ездят, а полгода плавают?” О ней сказано, о реке. Вот только иная такая “дорога” в своем зимнем обличье гораздо покладистее, чем в летнем. И к матушке Светыни это относится в самой полной мере, какая только бывает. Если в своем нижнем течении, в землях сольвеннов, она делается степенной и годной для плавания не только по течению, но и против, – то здесь, в верховьях, ее воды несутся могучей стремниной, пересесть еще кое-как можно, но подниматься – не одолеешь ни под парусом, ни на веслах. Разве берегом добредешь, ведя лодку на клячах. Так ведь и берег таков, что далеко, не всюду пропустит...» [10, с. 254].

Особенно часто путешественники выбирают речную тропу, когда не могут добраться до своей цели по земле. В своем романе М. Семенова подчеркивает, что другого способа попасть в нужное место не существует, и это вполне соответствует фольклорной установке: «Наконец, плывя по реке, герои романа не выбирают дорогу: это делает за них река. Персонажи, как в сказке, идут “куда глаза глядят” (и этот путь оказывается кратчайшим путем к цели); не они выбирают дорогу, а наоборот, дорога выбирает и ведет их...» [4, с. 142]. С одной стороны, река выступает как проводник высшей силы, судьбы, фатума, с другой – необходимость быстрого перемещения героя в труднодоступную область, не связанного с метафизикой, с различными формами искажения времени и пространства, являющегося действительным путешествием в рамках фантастического хронотопа, требует от автора обращения именно к речному пути, который выводит веннов из романа М. Семенов в неопределенное пространство – «за Челну, на кулижки». Изображение пути героев в аспекте жизнеподобия обусловлено литературной традицией, на которую опираются произведения жанра фэнтези. Для этого жанра характерно сочетание реального и фантастического.

В ряде произведений фэнтези река может служить местом обитания различных фантастических существ (так, в цикле романов

А. Сапковского о ведьмаке Геральте в ней живут русалки). В этом случае река выполняет функции демонического локуса. Отраженные зеркальной водной поверхностью силы зла надежно замкнуты в глубине до тех пор, пока не происходит пересечение границы водной глади, делящей пространство на надводное («свое») и подводное («чужое»). Толкиен поселяет в озере у входа в Морию Глубинного Стража, чудовище, которое пробуждается из-за брошенного камня, нарушающего спокойствие водной поверхности: «...вода у берега бурлит, словно в ней бьется, пытаясь распутаться, тугой клубок разозленных змей. Одна змея... впрочем, нет, не змея, а змеистое, слизистое, зеленое щупальце с пальцами на конце уже выбралось на берег, подкралось к Фродо и, схватив его за ногу, потащило в зловонную пузырястую воду» [12, т. 2, с. 335]. По словам Гэндальфа, этот монстр был изгнан «из самых глубинных подземных вод» (Там же, с. 336), что вполне соответствует мифопоэтической установке: «река (особенно глубокие места, омуты, водовороты, полыньи) – место обитания водяного, русалки, чертей, шуликунов и других водных духов. <...> Быстрая, глубокая, темная вода считалась наиболее подходящим местом для нечистой силы, туда ее отсылали в заговорах» [1, с. 418]. Герои вынуждены пройти предложенное им испытание – встречу с нечистой силой.

Стоит заметить, что эта функция присуща только образам рек, непосредственно расположенных в «чужом» пространстве. Реки Барандуин, Буйная, Белогривка, находящиеся в местах, обжитых представителями светлых сил, не сопряжены с демоническим началом и более того – могут быть вместилищем волшебной силы природной магии, что соотносится с традицией: «речной воде (в отличие от стоячей) приписывается очистительная и живительная сила» (Там же, с. 416).

Если Толкиен связывает речные образы со скандинавской мифологией, то Перумов обращается к мифам, повествующим о речных богах, с которыми невольно сопоставляется древний бог Уккарон. Особое место в Эвиале принадлежит Темной реке, воды которой, падая вниз, в Черную яму, место обитания представителя темной силы Уккарона, теряют свою живительную силу: «Темная река несла в себе силу, много силы. Такое бывает, если должным образом у истоков сойдутся магические линии мира. <...> Здесь, в Темной реке, магия пробудилась. Оперлась истоком и устьем, выгнулась. Точно кошка. И, конечно. В водах та-

кой реки жили не простые лягушки, рыбы или тритоны» [5, с. 613–614]. Для главного героя, некроманта Фесса, его путешествие – один из заключительных этапов квеста, подтверждающего его право на получение заемной силы.

Итак, в отечественных произведениях фэнтези авторы наделяют образ реки традиционными художественными функциями, наиболее ярко представленными у Толкиена: прежде всего, делают реку границей между «своим» и «чужим» пространствами, преградой на пути героев, что объясняется спецификой жанра фэнтези, а именно – обязательным наличием квеста, требующего преодоления целого ряда препятствий и испытаний. Это во многом объясняется преемственностью отечественного фэнтези, опирающегося на традиции лучших зарубежных представителей этого жанра: «После того, как у фантастики появился опытный читатель, фантасты стали вместо придумывания развернутых мотивировок фантастического ограничиваться общим указанием на “мифологическое”, или вернее фантастическое, пространство, в котором царит соответствующая атмосфера сказочной вседозволенности. В этих условиях фантастам стало гораздо проще сознательно использовать мотивы старых сказок и само “сказочное пространство”» [13, с. 46].

Отдельного внимания заслуживает славянское фэнтези, представители которого опираются на мифологию древних славян. В самой жизни славянских народов река как топос, связующий пространства, имела высокую значимость, что нашло отражение в мифологии, фольклоре и литературе. Именно поэтому функция реки как дороги особенно часто встречается произведениях писателей, создававших славянское фэнтези. Трансформации функций этого образа в отечественной фэнтези предопределяются, на наш взгляд, тесной связью русской фантастической литературы с фольклорной волшебной сказкой.

Литература

1. Виноградова Л.Н. Река // Славянские ревности: этнолингвистический словарь : в 5 т. / под ред. Н.И. Толстого. М. : Междунар. отношения, 2009. Т. 4. С. 416–419.
2. Гусарова А.Д. Жанр фэнтези в русской литературе 90-х гг. двадцатого века: проблемы поэтики: дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2009.
3. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М. : Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2000.

4. Неелов Е.М. Волшебнo-сказочные корни научной фантастики. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1986.
5. Перумов Н. Д. Война мага. Эндшпиль – Конец игры. М. : Эксмо, 2008.
6. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М. : Лабиринт, 2000.
7. Токарев С.А. Река // Мифы народов мира: энцикл.: в 2 т. М. : Сов. энцикл., 1992. Т. 2. С. 374–376.
8. Ройфе А.Б. Фантастическое как категория культуры 20 века : дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2002.
9. Семенова М. Волкодав. М. : АСТ; СПб. : Азбука, 2005.
10. Семенова М. Волкодав: Самоцветные горы. М. : АСТ; СПб. : Азбука-классика, 2006.
11. Толкиен Д. Р. Р. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1: Хоббит, или Туда и обратно. Тула: Филин, 1994.
12. Толкиен Д.Р.Р. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2: Хранители. Тула : Филин, 1994.
13. Фрумкин К.Г. Философия и психология фантастики. М. : Едиториал УРСС, 2004.

Space of a river in fantasy works

There are considered the artistic functions of the space of a river in the literary genre of fantasy. There are analyzed the images of classical novels by J.R.R. Tolkien, M. Semenova and N. Perumov.

Key words: topos, image of a river, Tolkien, Perumov, Semenova, fantasy, space.

